

Религии мира

Леонид Сурженко

Буддизм

«Мельников И.В.»

Сурженко Л. А.

Буддизм / Л. А. Сурженко — «Мельников И.В.», — (Религии мира)

В популярной форме изложены история возникновения буддизма, его основы, сущность и культурное наследие. Значительное внимание уделено особенностям современного буддизма, а также взаимосвязи буддизма и восточных боевых искусств. Для широкого круга читателей. Выпускается в авторской редакции

© Сурженко Л. А.

© Мельников И.В.

Содержание

Возникновение буддизма	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Анатольевич Сурженко

Буддизм

Ярким солнечным днём, 5 мая 623 года до рождения Христова, во дворце раджи Шудходаны, в городе Капилавасту, что лежал на северо-западе от великого царства Косала, у царицы с символическим именем Майя родился ребёнок. Младенец оказался удивительно красивым мальчиком, и едва родившись, озарил мир прекрасной улыбкой, которая и спустя тысячелетия будет играть на устах бесчисленных статуй, возведённых благодарным человечеством в знак глубокого уважения к Великому Учителю. Мальчика нарекли Сиддхартхой, что означало «достигший цели». Однако цели своей жизни он достигнет ещё не скоро – лишь спустя долгих сорок лет. И лишь тогда он получит новое имя, имя, под которым его узнает всё человечество – Будда.

Буддизм является одной из трёх великих мировых религий. По старшинству он является самой почтенной религией: ведь буддизм на пятьсот лет старше христианства и почти на двенадцать столетий – ислама.

Однако, несмотря на столь почтенный возраст, эту древнейшую религию по сей день исповедуют в мире около 400 миллионов человек. Причём не только в Азии, которая является родиной буддизма. Скорее, наоборот: наблюдается крайне интересное явление, когда буддийское вероучение, вполне естественное для мировосприятия жителя Юго-Восточной Азии, постепенно замещается в этих регионах традиционными верованиями, христианским учением либо исламом, в то время как экспансия буддизма в Западном мире продолжает идти достаточно высокими темпами. Западный человек с всё возрастающим интересом изучает учение Будды, находя в нём то, чего практически не осталось в западной духовной традиции: спокойствие духа, безмятежность, умение довольствоваться малым, смысл существования. Теперь буддийские дацаны и пагоды можно встретить в США, Европе, России. А вот на родине буддизма, в Индии, это учение практически исчезло.

Буддизм многогранен. Буддизм в равной степени можно назвать и религией, и философским течением, и техникой психотренинга, и учением. Буддизм является предметом изучения богословов, историков, психологов, мастеров восточных единоборств, мистиков, эзотериков. Многие современные школы практической психологии используют в своей практике методы, наработанные адептами буддизма на протяжении тысячелетий. В то же время основные положения буддизма понятны любому человеку: это те же заповеди – не убий, не укради, не желай жену ближнего своего...

Буддизм – самая миролюбивая религия из известных. В буддизме масса направлений, десятки сект, множество различий. Однако буддисты не жгут друг друга на кострах, не устраивают крестовые походы, не уничтожают «неверных». Принцип ненасилия в буддизме понимается гораздо шире, чем в традиционном христианстве. Убивать нельзя не только человека, но и любое другое живое существо, и даже растение. Причём грехом считается даже не сам поступок, а всего лишь мысль о нём. Таким образом, буддийское учение стремится прервать не благой поступок уже на уровне намерений.

Буддизм – это религия парадоксов. Учение, провозгласившее ненасилие одной из самых важных и необходимых добродетелей, дало новую жизнь огромному количеству школ воинских искусств, породив целые боевые монастыри, подобные знаменитому монастырю Шаолинь. Сам Будда представлял собой клубок противоречий: отрицая ценность земной жизни, воспринимая её как иллюзию, он, тем не менее, на протяжении всей своей жизни активно улучшал эту жизнь: учил мирян строить каналы, садить деревья, давал многочисленные практические советы. Будда, который превыше всякой деятельности ставил спокойное созерцание и медитацию, утверждавший, что есть лишь одна, достойная достижения, цель – Нирвана, гневно вос-

кличал в ответ на попытки уйти от тягот земной жизни: «Какое преимущество могло бы дать вам небо? Вы должны быть победителями здесь, в этом мире, в том состоянии, в котором вы сейчас!»

Так что же это за таинственная религия? Что она может дать западному человеку? Каковы её принципы, учение, ритуалы? Ответы на эти вопросы автор попытается дать в данной книге. Надеюсь, перевернув последнюю страницу, читатель захочет узнать об этой удивительной религии больше. Если подобное свершится, то свою задачу я буду считать выполненной.

Возникновение буддизма

Шуддходана ожидал появления на свет своего сына с нетерпением, и в то же время с некоторой боязнью. Будучи беременной, его любимая Майя увидела сон: сведи ярких, поразительно красивых цветов, которых не встретишь во всём царстве Капилавасту, с небес, которые оказались вдруг такими глубокими и сияющими, прямо в её чрево спустился прекрасный белый слон. Майя проснулась от божественного пения, которое вдруг вознеслось вокруг неё. Брахманы, сведущие в толковании снов, долго совещались, пока не вынесли свой вердикт. И теперь царь не знал покоя, ибо судьба его сына могла сложиться двояко. Если он примет царский сан, то станет великим правителем. Однако если он покинет дворец, то весь мир узнает его, как великого мудреца.

Конечно, мудрец – это тоже неплохо. Мудрецов много и в Капилавасту, тот же Асита, которого восхваляют даже более, чем самого Шуддходану. Однако разве к этому должен готовиться царский сын? Разве отшельнику можно передать своё царство? Нет, пророчество не слишком обрадовало Шуддходану. Однако пророчество есть пророчество, может быть, оно и не сбудется. Лучше всего подождать, пока ребёнок родится. И пусть пока его любимая и самая прекрасная из жён будет окружена красотой, вниманием и заботой, которые только возможны в его дворце. Пусть слуги подготовят всё к рождению царевича. Наследник престола Шакьев должен увидеть мир прекрасным.

Две с половиной тысячи лет назад, ещё до рождения Будды, Индия представляла собой массу раздробленных царств, остатков некогда единой державы. Однако уже предпринимались попытки вновь собрать индийские княжества под единой рукой. Естественно, попытки эти предпринимались наиболее могучими раджами – правителями крупных княжеств Косала и Магадхи. Как раз соседом Косалы и являлась княжество Капилавасту с одноимённой столицей, где в V веке до н. э. правил Шуддходана, потомок рода Шакьев. Период его царствования не был спокойным: могущественные соседи не особенно считались с древностью рода и гордостью Шакьев, и потому, обладая немалой военной мощью, могли беспрепятственно охотиться в лесах Капилавасту и учинять прочие обиды соседям. Шуддходана не мог ответить своим притеснителям, ибо могущество их намного превышало возможности его царства. Однако всё же Капилавасту процветало: благодаря уму и добродетелям Шуддходаны люди были сыты и довольны, во дворец исправно несли пищу, шелка, добытых в лесах диких зверей, и прочее, и прочее. Недостатка царь не знал ни в чём.

Как и все раджи, Шуддходана принадлежал к касте кшатриев, или воинов. Однако он был уверен, что его сосед, наглый Прасенаджати, правитель Косала, есть лишь презренный вайшья или даже шудра. Конечно, кшатрий стоит ниже брахмана, но в душе Шуддходана считал, что на самом деле самая великая каста – это каста воинов. Действительно, что есть брахман? Человек, удалившийся от мирской суеты. Он занимается небом, вот пусть и владеет им. Мы же, кшатрии, должны защищать землю и владеть землёй. Хотя уважать и кормить брахманов надо, ведь лишь они могут научить, как не родится в следующей жизни крысой или же шакалом. Нет, даже родится шудрой было бы для него, гордого кшатрия, трагедией. Посему нужно следовать советам мудрых брахманов и не перечить им.

А следовать предписаниям, записанным в законах Ману, было не так-то просто: насчитывалось этих самых предписаний великое множество, и требовали они неукоснительного исполнения и высочайшей точности в следовании им. Казалось, даже сами брахманы не могут запомнить всех запретов и указаний, которое нужно было знать человеку его круга. Однако пока у него всё получалось, хотя и не без усилий с его стороны. Подданные считали его справедливым, брахманы – щедрым, а среди кшатриев род Шакья считался одним из самых почтенных.

Впрочем, жизнь кшатрия не так уж плоха. По крайней мере, кшатрию оказывают уважение и почёт, где бы он ни был. Другое дело – вайшья. Эти ремесленники и торговцы, хотя и принадлежащие к племени ариев, но стоящие на ступень ниже благородных каст, должны были всю жизнь обеспечивать кшатриев и брахманов всем необходимым. Предписания и запреты, касающиеся вайшьев, занимали целые тома.

Но ещё страшнее быть шудрой. Эти вовсе не принадлежали к ариям, не знали истинной веры и не могли постигнуть суть добродетели. Не допусти, великий Шива, породниться с шудрой! Потомок такого брака будет считаться неприкасаемым, и ему придётся убивать бродячих собак на улицах. Единственной обязанностью шудры было работать на все остальные касты. Даже молиться богам шудрам не было необходимости. Брахманы считали, что результат такой молитвы будет мизерным. Чтобы получить заслугу перед Вишну, Шивой или Брахмой, нужно родиться хотя бы вайшьей. Уже лишь старые люди помнили, откуда взялись шудры. Они говорили, что шудра – этот тот, который жил здесь до ариев. Когда пришли арии, несшие свет истинных знаний, они сделали здешних жителей рабами, назвали их шудрами и оставили лишь одно предписание – заботиться о своих хозяевах. На большее шудра и не способен: ведь они до сих пор молятся деревьям и камням, ищут силу в речной воде и поклоняются солнцу. Идея Атмана для них недоступна. Хотя, что может быть проще – ведь Атман – это Великая Мировая душа, и все мы – часть её. Вот и трудится всю жизнь и брахман, и кшатрий, и вайшья, чтобы воссоединиться с Атманом, влиться в блаженство, остаться там навсегда. Но для шудр такая мысль недоступна. Однако, если они станут исполнять свои обязанности хорошо, может быть, им удастся родиться в более высокой касте, и тогда – кто знает.

Учение брахманов, или индуизм, основывался на послышке ничтожности земной жизни. В связи с чем ставилась основная цель – воссоединиться с Великой Душой, с Атманом, или Брахмой. Брахма обычно изображался триединым (подобно христианской Троице, однако с другим контекстом): бог созидания Вишну, юный, весенний бог (условно соответствует Богу-Сыну в христианстве), Брахма, символизирующий зрелость, стабильность, сохранение (в христианстве – Бог– Отец) и разрушитель Шива (Бог – Дух святой). Повторюсь: подобие христианской и индуисткой троиц весьма условно. Так, Святой Дух в христианстве не несёт в себе разрушительного начала, как и Сын Божий не является исключительно началом созидующим.

Так как сами боги редко отвлекаются на земные дела, то для поддержания веры на земле имеется ещё одна эманация Брахмы – Кришна, сходящий на землю, как правило, в виде симпатичного молодого пастушка с кожей цвета грозовой тучи и красными ладонками. Псевдоиндуистская секта кришнаитов, так широко распространившееся на Западе и к традиционному индуизму не имеющая никакого отношения (так, последователей Прабхупады не допускают в индуистские храмы, да и само приобщение к индуизму западного человека считается в Индии абсурдом: индуизм – религия, даруемая исключительно по праву рождения, и слова «индус» и «индуист» – синонимы) считает, что сам Будда – это всего лишь одна из эманаций Кришны. Слышал бы это сам Будда, отрицающий всех богов и сам никогда не провозглашавший себя богом!

Условия, созданные для брахманов (не без их участия, разумеется) позволяли им отдаваться философским размышлениям практически неограниченное количество времени. Естественно, при таких благоприятных условиях, когда брахману не было необходимости работать, добывать себе пропитание и исполнять многочисленные предписания, в щедрости отмеренные представителям низших каст, брахманам ничего не оставалось, как предаваться благочестивым размышлениям, чем они и пользовались в полной мере. Мифология индуизма настолько богата, что даже учёные брахманы не всегда могли разобраться в различных направлениях и положениях индуизма. А уж путей достижения высшей цели – воссоединения с Брахмой было такое множество, что между различными индуистскими учениями и школами существовала настоящая конкуренция.

Индуистское учение провозглашало прекрасные заповеди о непричинении вреда ничему живому, о правдивости, об уважении к старшим, об обуздании своих чувств, о необходимости жертвовать менее благополучным ближним. Однако заповеди эти касались лишь трёх высших каст – самих брахманов, кшатриев и вайшьев. Шудры лишались всякого права на участие в религиозной жизни и, соответственно, надежды на освобождение. Груз же обязанностей давил немилосердно, что, естественно, не могло не вызывать недовольства. В самом деле, провести всю жизнь исключительно в заботах о вышестоящих, самому не имея никакой надежды улучшить своё положение хотя бы после смерти, и лишь смиренно надеяться, что в будущей жизни повезёт родиться в касте вайшьев, а ещё пройдя через несколько жизней, полных страданий и терпения, может быть, удастся воплотиться в брахмана, который только и может рассчитывать на духовное блаженство, – перспектива вовсе не их радостных. Просуществовав столетия, кастовая система, так бережно лелеемая ариями, начала несколько утомлять низшие касты своей унылой безнадёжностью. Не радовала и обширная космология индуизма, бесчисленные вселенные, созданные дыханием Брахмы, стройная система гунн, распределяющих, что есть страсть и движение, что – радость и процветание, а что – инертность и смерть, ни выверенные веками системы аскетизма и самосовершенствования, включающие в себя все аспекты человеческой жизнедеятельности. Не радовали, потому что, во-первых, доступны все эти прекрасные вещи были только брахманам и, частично, кшатриям, а во-вторых, философские воззрения индуизма были настолько разнообразны и широки, что понять их простому человеку было просто невозможно. К тому же существовала строгая традиция передавать знания только лично, от учителя к ученику. Самостоятельное изучение Вед ничего не давало, так как сами Веда были написаны весьма туманным языком, требующим опытного толкователя. К тому же далеко не каждый индус владел санскритом, считавшимся в древней Индии чем-то вроде латыни.

Поэтому вполне закономерным является появление в Индии учений, которые были не согласны с традиционными положениями индуизма. Одним из самых ярких проявлений такого «оппозиционного» учения являлась философия Санкьи.

Основателями философии Санкьи являются выдающиеся мудрецы Индии Капила и Патанджали. Самое интересное, что Капила некогда также жил в Капилавасту, где и создал своё величественное учение. Патанджали же разработал механизм совершенствования, известным нам под названием йоги. Написанный им трактат «Йога-сутра» по сей день считается первоисточником по философии и практике йоги. Не отвергая в принципе идею индуизма о воссоединении индивидуальной души с космической, (Брахмой или Атманом), последователи Санкьи предложили свой путь достижения этой цели. Они отрицали помощь богов, да и само существование богов ставили под сомнение. Только личным усилием, только подчинив себе свои чувства и эмоции можно было достичь бесстрастия. В отличие от индуизма, где утверждалось, что человеческая душа неразрывно связана с окружающей природой, и потому любые душевные движения производят изменения в окружающем мире, порождают дурную либо хорошую карму, Санкья учила, что душа человека имеет свою индивидуальность, она не влияет на мир напрямую, но все изменения в мире производятся Атманом. Постигнувший эту истину не умом, но всем своим существом, освобождался от оков этого мира и не перерождался более на земле, пребывая в состоянии чистого незамутнённого духа.

К достижению этой цели вела практика йоги. Восемь ступеней ведут к освобождению: Яма, либо общие моральные требования; Нияма, либо самоочищение посредством самодисциплины и самоограничений; Асаны, либо определённые положения тела, которые воздействуют на физическое и психическое состояние организма; Пранаяма, или наука о дыхании, позволяющая человеку контролировать и направлять свои психические процессы; Пратьяхара, либо контроль умственных процессов; Дхарана, или развитие искусства концентрации; Дхьяна, или медитация, то есть углубленное размышление над чем-либо, сходное с глубоким самогипно-

зом; и, наконец, Самадхи – наивысшее состояние, слияние индивидуального духа с Вселенским духом или Параматмой.

Однако йога не является изобретением Капилы либо Патанджали. Описание элементов йогической практики можно найти и в Ведах. Использовали йогу и традиционные школы индуизма, например, приверженцы Шивы, который, собственно, и считается легендарным прародителем йоги. Однако заслугой Патанджали можно считать то, что он систематизировал и развил эту систему, а также оставил письменное наставление по практике йоги, которое йогины используют до сегодняшнего времени.

В отличие от учения брахманов, последователи Санкьи не стремились к полному аскетизму. Человеческое тело служило для них инструментом постижения истины, поэтому относиться к нему небрежно или даже вредить ему изнурительными упражнениями йогины считали нелепым. Позже такой подход будет проповедовать и Будда. В то время как многочисленные отшельники, следуя указаниям священных книг и брахманов, проявляли чудеса аскетизма, месяцами не принимая пищи, неделями сидя на голой земле в неподвижной позе с поднятыми вверх руками, давая обеты не мыться и не бриться, пока не познают Всевышнего, последователи Санкьи наоборот, укрепляли тело физическими упражнениями, придерживались строгой дисциплины и усердно занимались самоочищением.

Нужно сказать, что среди отшельников, движение которых было очень популярным во времена Будды, встречались самые разные люди. Среди них зачастую можно было встретить действительно неординарных личностей, реализовавших себя в духовной сфере, подчинивших себе свою плоть. Доказательством этого служили многочисленные примеры проявления ими сверхъестественных способностей. Так, продвинутые отшельники могли читать мысли, излечивать болезни на расстоянии, не чувствовать голода или жажды целыми месяцами, полностью «отключать» болевые ощущения и даже левитировать. Однако было огромное множество тех, кто лишь искал лёгкой жизни, убегал от своих мирских обязанностей, которые вовсе не были лёгкими. В самом деле, аскетам жилось неплохо: идея ухода от мира для избавления от страданий была как никогда популярна среди индусов. Кастовая система по своей структуре лишала большинство населения Индостана даже надежды на избавление от бесчисленных обязанностей и предписаний, которые делали жизнь простого индуса зачастую невыносимой. Человек, который уходил от мирской жизни, находил горячее понимание у большинства населения. Поэтому отшельнику не надо было искать себе пищу либо работать: по освящённой веками традиции пищу ему приносили жители окрестных деревень (согласно постановлениям Ману, жертвование святым людям было одной из обязанностей практически всей каст). И чем известнее был отшельник, тем больше людей приносили подношения именно ему. Но чтобы добиться этой известности, многие шли на обычные цирковые фокусы. Поэтому среди огромной массы отшельников было немало и обычных факиров, которые посвящали свою жизнь разучиванию какого-либо зрелищного трюка вроде сидения на гвоздях либо глотанию огня. Для простого индуса, не особенно искушённого в вопросах самопознания, подобные демонстрации казались уделом сверхчеловека, полубога или, по крайней мере, святого. Само собой, что, делая подношения такому необычайно «продвинутому» самане (отшельнику), человек считал, что получит для себя великую заслугу на будущую жизнь.

Впрочем, существовали и отшельники, которые тщательно избегали общения с себе подобными. Как правило, это были саманы, практикующие медитацию, или созерцание. Питались они либо подношениями немногочисленных местных жителей, либо искали пищу сами, благо в субтропическом климате Индостана найти себе пропитание не составляло особого труда. Медитации их были подобны медитациям йогинов, однако от философии Санкьи подобных созерцателей отличал объект медитации: созерцатели искали Брахму вне себя, а йогины – последователи Санкьи – в себе. Аскетизм созерцатели практиковали весьма умеренный, ибо не видели смысла в умерщвлении плоти. Медитативные практики к времени рождения Будды

отличались уже известным совершенством, и вовсе не случайно Будда также присоединился к созерцателям и до конца своей жизни не бросил это занятие. Погружение в чудесный тонкий мир производило неизгладимое впечатление на любого, кто смог добиться этого состояния.

Отдельно стояли произвольные труженики, или аскеты. Они считали, что освободится от чувственных привязанностей можно лишь подчинив своё тело с помощью железной воли. Поэтому аскеты истязали себя долгими постами, спали на горячей золе, сжигали свою кожу под палящим индийским солнцем – и всё для того, чтобы усмирить своё тело, добиться полного подчинения его разуму. Заметим, что элементы подобной практики переняли спустя столетия христианские монахи, которые также налагали на себя строгие ограничения и епитимьи, считая, что, покаясь плоть, преодолевая боль, страдания и усталость, они тренируют свой дух, освобождая его от зависимости тела. Не избежал такой участи и Будда, однако, в конце концов, он признал аскезу бессмысленной и отказался от неё.

Царевич родился днём, под знаком Тельца, когда в садах оглушительно пели птицы, и все цветы вокруг распустили свои бутоны. Майя почувствовала внезапную слабость, ухватилась за ветку, которая свисала прямо над ней, и ноги её подломились. Девушки, которые сопровождали её, бросились к своей госпоже, и тут у Майи начались схватки.

Роды были на удивление лёгкими. Майя взглянула на ребёнка, протянула к нему руки – и лицо младенца, так и не издавшего первого крика, озарилось прекрасной плавной улыбкой, улыбкой, которую Майя запомнит навсегда. Солнце вдруг поменяло свой цвет, стало искристо-золотым, и Майе показалось, что кожа её сына тоже отливает золотом, от счастья стучало в голове, она ясно слышала прекрасные песнопения, но так красиво не могли петь даже во дворце, и ветка, за которую она ухватилась, вдруг стала распускаться прекрасными цветами, и радость заполнила всё сердце царицы, радость необъятная, неудержимая, и от этой радости всё поплыло в глазах, мир стал отдаляться, отдаляться... И лишь небесные голоса звучали всё отчетливее и прекраснее... Бесчувственное тело госпожи девушки отнесли во дворец.

Шуддходана узнал новость из уст служанки. От неожиданного волнения царь почувствовал слабость. Он хотел что-то сказать, но язык не слушался его. Наконец он смог подняться, расправил плечи, окинул взглядом окружающих его домашних, и, наконец, вымолвил: – Принесите мне праздничные одежды. И позовите брахманов. Я иду к сыну...

Толпа придворных во главе с Шуддходаной направилась в женскую половину дворца. Видно было, что царь волнуется. Его лицо, обычно такое спокойное и полное уверенности, теперь выражало тревогу, смятение и радостное ожидание. Движения, обычно плавные и медленные, теперь стали порывистыми и стремительными. Только перед самым пологом покоя его супруги, которая возлежала на ложе, прижимая к себе маленького принца, царь резко остановился. На секунду он застыл в неподвижности. Девушки, окружающие царицу, заметив смятение царя, прятали понимающие улыбки, и четверо из них медленно приподняли полог, укрывающий ложе.

Царица была прекрасна. Не зря он выбрал именно её своей первой женой. Майя... Она действительно была Майей – миражом. Видением. Иллюзией... Даже теперь, после родов, она была прекрасна. Огромные чёрные глаза, казалось, вмещают всё вселенную. Он никогда не мог устоять против чар этих глаз. Но она никогда не пыталась использовать эти чары себе во благо. Воистину, она была благочестивее брахманов.

Увидев Шуддходану, Майя улыбнулась. Царь заметил, что улыбка стоила ей сил – его жена была очень слаба. Но это была всё та же искренняя, прекрасная улыбка, которой она встречала его всегда. Эту улыбку унаследует позже царевич, её сын.

Едва взглянув на мирно покоящегося на груди матери ребёнка, царь понял, что его сын унаследовал невероятную красоту своей матери. Мальчи был прекрасен. Мягкие, широко распахнутые глаза его смотрели на отца совершенно так, как смотрела на него сама Майя.

Приятная округлость лица, аккуратный правильный подбородок с прелестной ямочкой, пухлые ручки с точёными пальчиками, нежно обвивающие шею матери – всё это было от неё, от самой прекрасной женщины Капилавасту. Но самой яркой его чертой была улыбка. Она выплывала не устах мальчика, как прекрасная Селена из-за лёгкой тучки. Она появлялась, как долгожданный первый луч солнца на рассвете, и расцветала на устах подобно цветку лотоса. В улыбке этой было всё – и радость новой жизни, и безмятежность, и тёплое приветствие каждому, кто обращал свой взор на царевича. Царь улыбнулся в ответ. Да, царевич удался в маму. И это было прекрасно, хотя и его отец вовсе являлся некрасивым. Скорее, наоборот: Шуддходана мог гордиться не только своей храбростью и мудростью, но и своей атлетической статью, правильными чертами лица и крепостью рук. Но теперь он был счастлив, что в царевиче воплотились черты матери. Пусть же от отца он унаследует его силу, статность и справедливость. Пусть же он будет великим царём, достойным продолжателем рода Шакья. Царь шагнул к ложу, чтобы поприветствовать царицу и сына, и вдруг торжественность обряда была грубо нарушена. Громкий торопливый топот послышался за спиной царя. Босые ноги решительно вышагивали прямо в покои царицы. Царь в недоумении обернулся. Кто посмел ворваться сюда без его приглашения? Уж не наглый ли Прасенаджит пытается нарушить торжественность минуты? Но это не был правитель Косалы. Шлёная по мрамору босыми ногами, бесцеремонно развигая придворных длинной суковатой палкой, к царскому ложу приближался оборванный бородастый старик.

«Асита, Асита пришёл!» – пронёсся по покоям шёпот. Шуддходана вспотел от волнения. Если сам Великий Асита пожаловал его своим посещением, значит, рождение его сына – в самом деле, необыкновенное явление. И царь почтённо склонился перед святым отшельником. Однако Асита лишь небрежным кивком дал понять, что заметил Шуддходану, и прямоком направился к постели царицы. Старец протянул свои высохшие, чёрные от солнца руки, и откинул покрывало, укрывающее младенца. Майя приподнялась на подушках, и покорно, хотя и с некоторой тревогой, стала помогать старицу. Теперь ребёнок лежал совершенно голенький, глядя на высокого, практически такого же раздетого, как и он сам, человека. Старец

аккуратно приподнял мальчика под мышки, и принялся пристально рассматривать его. Шуддходана сделал инстинктивное движение вперёд, но так и застыл, в волнении наблюдая за движениями отшельника. Маленький принц совершенно без страха улыбнулся старицу, и невиданное дело! На лице сурового аскета появилась открытая, добрая улыбка, и весь двор вздохнул с облегчением. На фоне чёрного, практически сожжённого солнцем тела Аситы кожа царевича казалась белее слоновой кости. Однако это было не так: теперь, когда ребёнка избавили от покрывал, все могли видеть, что кожа младенца отливает золотом, казалось, она излучает сияние. Старец же взял в свою руку ладошку мальчика, провёл шершавыми мозолистыми пальцами по его пальчикам, откинул прядку шелковистых светло-коричневых волос с ушка младенца, молча указав пальцем на длинную мочку, потом опустил ребёнка на ложе и взял в руки его ножку. Царевич звонко рассмеялся, и смех его был прекраснее пения кифары.

Ещё долго старик осматривал мальчика, ничего никому не говоря и лишь изредка многозначительно поглядывая на царя Шакьев. Наконец он накинул на мальчика шёлковое покрывало, медленно, устало опёрся о край царского ложа и застал в неподвижности. В волнении Царь подошёл ближе, взяв старца под локоть. Асита медленно обернулся к нему, и сердце Шуддходаны забилося в тревоге: по сморщенному, изборожденному морщинами лицу старца, из его выцветших глаз текли слёзы. Сердце царя упало. Нарушая обычай, Шуддходана крепче сжал локоть отшельника, и с дрожью в голосе вымолвил:

– Отчего же ты плачешь, преподобный? Мои брахманы сказали мне, что царевич будет жить в счастье и достатке, что он станет великим царём. Отчего же слёзы у тебя на глазах? Разве они сказали мне неправду? Разве с моим сыном что-то случится?

Асита смахнул слезу ладонью, посмотрел царю Шакьев прямо в глаза, и тихо, медленно промолвил:

– Я не о сыне твоём плачу, предводитель Шакья! Брахманы не обманули тебя: он станет Великим. Он возвестит Великое учение, которое освободит людей от страдания. Это больше, чем царь. Он станет равен богам... Так что не о нём я плачу, и не о тебе, о царь. Плачу я только о себе, ибо стар я, и не доведётся мне услышать проповедь твоего сына...

С этими словами старый Асита повернулся и пошёл к выходу, бросив прощальный взгляд на мирно лежащего на подушке царевича. И будущий Будда улыбнулся вслед уходящему святому.

Космология индуизма сложна и запутана. В общих чертах происхождение жизни на Земле индусы описывают следующим образом. Подобно библейским сказаниям, индийские Веды утверждают, что вначале был Хаос. То есть ничего больше не было – ни Земли, ни Луны, ни звёзд. Но вот из Хаоса проступили воды, а из вод возник огонь. Взаимодействие воды и огня породило Золотое Яйцо, сияющее, как Солнце. Оно росло и увеличивалось, пока, наконец, из него не возник Создатель Вселенной – великий Брахма.

Подобно Яхве у иудеев, Брахме тоже вскоре наскучило пребывать в одиночестве. Индусы даже предполагают, что бог испугался, осознав, что совершенно один. Как бы то ни было, но и иудейский, и индуистский боги решили заняться творением. И творили, между прочим, практически по одному сценарию: так, Яхве создал две тверди, отделив их одну от другой. Таким образом, получилась Земля и Небо. «И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так». Брахма, по сути, совершил то же самое, разделив огромное яйцо, из которого выбрался сам, на две половинки силою мысли. Верхняя, естественно, стала Землёю, нижняя – Небом. Ну а между ними возник воздух. Затем были созданы материки и океаны, различные ландшафты и положено начало времени. Библейский бог не отставал: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и годов». Как видим, пока в творениях обеих богов наблюдается практически полная идентичность.

Настал черёд сотворить себе собеседников, ибо одиночество, как утверждают сами священные писания, наскучивает даже богам. Вот в плане сотворения человека у индуистов и иудеев намечаются значительные разногласия. Впрочем, разногласия эти вполне решаемы, если принять во внимания библейскую теологию, населившую Небеса серафимами, ангелами и прочими небесными жителями, о сотворении которых книга Бытие как-то умалчивает.

Зато Веды говорят напрямую, что человек вовсе не был первым разумным существом, сотворённым Брамой. Первыми у Брахмы были сыновья Маричи, Антри, Ангисара, Пуластья, Пулаху, Крату, Дакшу и Бхигу. Вот великий индийский мудрец Касьяпу и был сыном Маричи. От него и произошли все живые существа, населяющие Землю. От Антри родился Дхарма – бог справедливости, который в поздних верованиях трансформировался в некий безликий Закон, в Карму и получил дальнейшее развитие в буддизме. Ангираса стал прародителей свя-
тых мудрецов.

А вот дочери Дакши стали жёнами Касьяпы. Старшая дочь Дакши, называемая Дити, стала матерью демонов – дайтьев. Вторая, Дану, породила исполинов – данавов. Но особое значение индусы придавали третьей дочери Дакши, Адити. Ведь именно она являлась матерью Великих богов: Индры, Варуны, Сурьи, Вишну. В иудейской мифологии аналога этим богам нет; а вот древние греки и римляне, переняв многое у индусов, создали своих богов по образу и подобию индийских. Индра стал греческим Зевсом и римским Юпитером, Варуна – Посейдоном или Нептуном, Сурья остался богом Солнца Гелиосом. И в дальнейшем сходство индийской мифологии и мифологии древних греков (и, естественно, римлян, в целом перенявших греческую мифологию) усиливается. Так, знаменитые битвы богов с титанами впервые фигу-

пируют именно в Ведах – Сыновья Дити и Дану, называемые также асурами, или демонами, долгое время воевали с богами, порождёнными Адити, в борьбе за власть во Вселенной.

Самое интересное, что боги были младшими братьями асуров. Подобно христианскому мифу о восстании Сатаны, который возглавил падших ангелов в борьбе против светлого воинства, асуры также изначально были благочестивы и добродетельны. И лишь возгордившись своей властью и силой, стали терять поддержку Брахмы. Параллель с христианским учением достаточно явная. Только техническое решение вопроса о демонах в различных религиях трактуется по-разному. В христианстве Сатану и воинов его низвергли на землю, в вот асуров просто перебили. Особое усердие в этом деле проявил самый грозный индийский бог, рождённый позже всех своих братьев напрямую из тела Брахмы – бог Шива изначально называемый Рудрой. Страшный, красный и косматый бог разрушения искал одиночества, удалился в Гималаи и вёл там жизнь аскета. По преданию, именно в Гималаях Шива и создал йогу.

Но не станем утомлять читателя пересказом индийских мифов. Поэтому рассмотрим лишь вопрос о происхождении человека, имеющий непосредственную связь с основами индуистского учения.

У Адити родился совершенно безобразный сын – Вивасват. Был он без рук и ног, толщину имел такую же, как и рост, и вообще походил на шар. Естественно, братьям не нравился такой родственник. Неплохо понимая в пластической хирургии, они быстренько оттяпали всё лишнее, и получился вполне дееспособный человек. А чтобы материал не пропадал, из отсеченных кусочков соорудили слона, будущего лучшего друга индусов. Сам Вивасват считался богом, а вот его потомство – сыновья Яма, Ями и Ману, – они уже были людьми. От богов их отличало то, что они могли умереть. Что и произошло с Ямой, который был первым из умерших в новом мире. Посему и стал он владыкой царства мёртвых и Царём справедливости. Ями погиб во время потопа. А вот Ману был единственным смертным, пережившим потоп (не напоминает сказание о Ное?). Именно Ману дал человечеству законы, согласно которым человечество должно было жить. Именно свод этих законов наряду с Ведами и считается основой индуистского учения, большинство положений которого опровергал Будда.

Трудно описать словами, какая радость охватила Шуддходану, услышавшего слова Аситы. Значит, его сыну уготована великая участь. Это в самом деле так... Однако поразмыслив, царь вновь встревожился. Так его сын станет вестником великого учения? Значит, он уподобится отшельникам, которые во множестве бродили в окрестностях Капилавасту и которых особенно много в Раджагрихе. Но кто тогда станет править Капилавасту? Он ведь не вечен. Шуддходана ждал наследника, но если предсказание сбудется, он потеряет сына. Отшельники уходят из дома, им неинтересны мирские дела.

Погружённый в такие печальные мысли, царь, наконец, избрал линию поведения, которая должна была пресечь всякое желание царевича уйти из дому. Царевич должен расти в роскоши, его должны окружать самые красивые, самые добрые слуги, он должен видеть лишь прекрасное. Кто же бежит от добра? Все отшельники уходили из мира лишь потому, что жизнь в миру казалась им невыносимой. У Сиддхартхи будет всё иначе.

Маленького принца любили все. Сиддхартха рос очень милым ребёнком – тихим, уравновешенным, ласковым и приветливым. Казалось, даже то, что мальчик рос без матери, не наложило на него свой отпечаток. Да, царица, не выдержав охватившего ей счастья, умерла на седьмой день после рождения сына. Прекрасной Майи не стало. Горе Шуддходаны было неизмеримо, и если бы не сын... Но ради сына он переломал себя. Тем более, что сестра Майи, красавица Махапраджapati, добрейшая и заботливая девушка, заменила царевичу мать. Мальши горячо полюбил тётку, даже не подозревая, что она не приходится его матерью. Его приёмная мать отвечала полной взаимностью. Никогда, никогда в жизни она не видела более прелестного и милого ребёнка. Играть с маленьким Сиддхартхой было одно удовольствие: мальши очень редко шалил, и все его шалости были милыми и безобидными, был очень лас-

ков, а уж устоять против взгляда его чарующих глубоких глазок было просто невозможно. Не чаявшая души в мальчике Махапраджапати попыталась однажды украсить маленького царевича драгоценностями. Она подозвала Сиддхартху, и тот, весело улыбаясь, подбежал к приёмной матери.

– Смотри, мой принц! Сейчас я надену на тебя этот прекрасный браслет, и ты станешь ещё красивее.

Мальши зачаровано смотрел на свою руку, на которую стараниями Махапраджапати водружался великолепный, усыпанный бриллиантами браслет, в оправе из чистого высокопробного золота. Положив на свою ладонь ручку малыша, Махапраджапати отклонила голову, пытаясь оценить свои труды. Но невиданное дело! На ручке малыша великолепный браслет полностью потерял свою силу и прелесть. Золотая оправка на фоне золотистой кожи мальчика казалось свинцовой, а сияние бриллиантов было гораздо тусклее, чем мягкое сияние самого тела Сиддхартхи. А уж возлагать украшения на голову царевича и вовсе было святотатством: теперь, в полумраке покоев Махапраджапати, она ясно видела яркую золотую корону вокруг головы принца, красотой и сиянием своим превосходящую любой бриллиант, извлечённый из недр земли. Потрясённая увиденным, Махапраджапати сняла браслет с руки ребёнка и отпустила его гулять. Сама же она ещё долго сидела в тиши опочивальни, размышляя, как можно сделать красивее младенца, на котором даже драгоценности кажутся нелепыми булыжниками.

Тяжесть и громоздкость индуистского учения была для многих индусов непосильным бременем. И самым страшным было то, что у людей отнималась надежда на скорое освобождение от страданий, которыми была полна жизнь. Вся кастовая система была подстроена под интересы только двух каст – брахманов, разработавших эту систему, и кшатриев, которые обязаны были защищать её основы. Однако эти касты являлись меньшинством в огромном индийском обществе. Даже вайшьи, то есть торговцы, ремесленники, горожане превосходили количеством кшатриев и брахманов, вместе взятых. Не говоря о шудрах, коренном населении Индостана, которое вовсе выпадало из поля интересов индуистских священников. Шудры возводились в положение рабочего скота, обязанного безропотно подчиняться всем постановлениям высших каст. А ведь существовало ещё огромное количество неприкасаемых – толпища нищих, потомков смешанных браков, тех, кто волею судеб оказался «осквернённым». Для них учение индуизма не предлагало ничего хорошего. Более того, таким людям грозили всяческими страшными карами в следующей жизни. Не удивительно, что измученная Индия с нетерпением ждала новое учение, учение, которое смогло бы освободить её народ от страданий, дать им хотя бы надежду.

Именно поэтому учение, провозглашённое Буддой, было воспринято так живо и жадно, и вскоре после провозглашения им своего учения число его последователей стало исчисляться тысячами.

Но начало распространения буддизма вовсе не было усеяно розами. Как уже упоминалось ранее, различных религиозных и философских течений в Индии во времена Будды было великое множество. Даже говоря в индуизме, основном учении брахманов, не было однородности. Различие в практике, различие во взглядах на мир, различие в иерархии богов – всё это сеяло неразбериху среди самих брахманов, которые уже не являлись однородной сплочённой средой. Что говорить об иных кастах, не столь искушённых в религиозных вопросах! Каждый отшельник, каждый аскет и каждый созерцатель, который достиг определённых успехов в своей практике, провозглашал своё учение, основанное, как правило, на некоторых положениях индуизма, но имеющее ярко выраженный индивидуальный характер. Между многочисленными проповедниками и учителями существовала скрытая, а иногда и открытая конкуренция, ибо о силе их учения судили, в первую очередь, по числу последователей. Таким образом, любое новое учение, особенно не имеющее исторических корней в виде опоры на индуистские

положения, было обречено либо на гибель, либо на жесточайшую конкуренцию среди множества подобных учений.

То же самое произошло и с учением Будды. Прекрасно понимая общественные настроения, Будда долго не решался провозгласить основы своего учения. Он вполне обоснованно полагал, что открытые им истины не встретят понимания среди большинства. Учение его было направлено прежде всего на достаточно зрелых в духовном плане людей, обладающих немалым интеллектом, и не подкреплялось никаким иным авторитетом, кроме как авторитетом самого Будды. Однако нужно здраво представлять себе обстановку того времени: да, своим подвижничеством Будда нажил себе некоторую известность, но известность эта была скорее праздным интересом. К нему относились, как к немного чудаковатому отпрыску царского рода, который забавы ради удалился в лес искать истину. Он был всего лишь одним из тысяч бродячих отшельников, каждый из которых исповедовал какое-либо своё учение. И Будда осознавал это. Бывали минуты, когда он решал полностью отказаться от мысли проповедовать, считая, что не будет услышан другими. По легенде, лишь прямое влияние богов заставило Будду изменить решение.

Как бы то ни было, первые попытки проповеди были неудачными. Впервые выступив с проповедями в городе Варенасе, Будда встретил лишь насмешки и презрение. Более того, слушатели вслух рассуждали о том, что «царский сын сошёл с ума», что здорово задевало Будду. Поняв, что добиться успеха одним кавалерийским наскоком не удастся, он поменял тактику, попробовав убедить в правоте своего учения своих родственников, которых встретил тут же, в Варенасе. Родня отнеслась к бывшему Сиддхартхе более благосклонно и понимающе, они не насмехались над ним, но мягко и настойчиво уговаривали бросить бесплодную жизнь отшельника и вернуться во дворец. Они убеждали, что ни опыта, ни авторитета, которые необходимы для проповеднической деятельности, у Будды нет, и поэтому все его попытки провозгласить новое учение будут обречены на неудачу.

Нельзя сказать, что Будда не прислушался к словам своих родных. Тем более что подтверждения этим словам давала сама жизнь. К тому же его отшельническая жизнь со временем сделалась вовсе невыносимой: другие отшельники, чувствуя в нём опасного конкурента, стали преследовать его, стремясь лишить средств к существованию. И только огромное личное обаяние бывшего царевича и его красота, всегда производившая впечатление на окружающих, спасали его: народ любил этого странного монаха, и кормил его вопреки советам отшельников. Однако при этом никто не выделял Будду из числа таких же бродячих искателей истины. Когда на Будду осуществлялись нападки, люди часто выгораживали его, говоря: «Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как вы?» Для народа он ничем не отличался от отшельников, и только сами нищие философы понимали, что его учение идёт в разрез с основными положениями, исповедуемыми ими.

Понимая, что приобрести авторитет, в одиночку проповедуя своё знание, практически невозможно, Будда решил сначала приобрести учеников, которые уже одним своим присутствием будут свидетельствовать о весомости его учения. И выбор его пал на бывших соратников по аскезе, учеников Рудраки. Сам их учитель уже умер, оставив общину без наставника. Однако даже эти пять учеников не сразу приняли Будду. Более того, сперва они в полной мере наградили его презрением. Ведь ни для кого не было секретом. Что Будда бросил аскетизм и суровую самодисциплину, что расценивалось как признак малодушия. Однако красноречие Будды и сила его учения сделали своё дело: Будда приобрёл первых своих учеников. Их было всего пятеро.

Конечно, наличие хотя бы пяти учеников – уже хорошо. Однако для проповедника учения, которое должно было спасти мир, это чрезвычайно мало. Поэтому Будда не остановился на достигнутом. Да, у него были ученики, но пока не было такого авторитета, который имели многие его конкуренты. Вот если бы удалось убедить одного из известных философов в правоте

своего учения, тогда число его последователей возросло бы многократно. И выбор Шакьямуни пал на одного из самых знаменитых подвижников того времени – огнепоклонника Кашьяпу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.